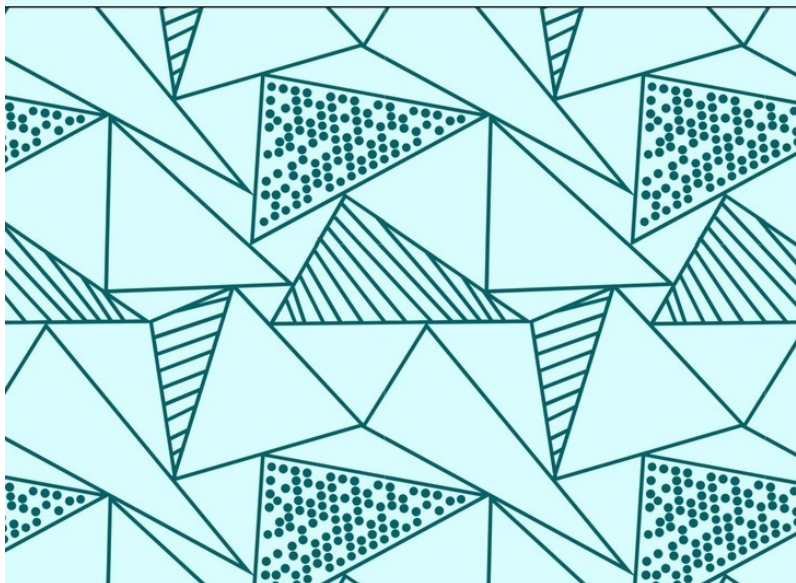

Ирина Пантюхина

Цвет полевой

Книга I. Табия

Ирина Александровна Пантюхина Цвет полевой. Книга I. Табия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25558123

ISBN 9785448561092

Аннотация

Книга I трилогии, написана на основе трудов по теософии, эзотерике, психологии, физике, истории, богословию, астрономии, содержащая подсказки-«ключи» к раскрытию тайны – смысла жизни человека. Действие книги разворачивается в XVIII веке на Урале и в Поволжье. Купец Гайдურიцкий тяготится вмешательством матушки в его дела. И желает более разбогатеть. Герои оказываются впутанными в историю, связанную с поиском сокровищ, череды убийств; таинств подземного народа, оберегающего землю от зла.

Содержание

Аннотация	5
О Сатане	7
Предисловие	8
I. Ночное происшествие	11
II. Семья Гайдурицких	20
III. Побирושка	26
IV. В поисках людоморов	30
V. Веденей	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Цвет полевой

Книга I. Табия

Ирина Александровна
Пантюхина

© Ирина Александровна Пантюхина, 2017

ISBN 978-5-4485-6109-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Вы испытывали когда либо жажду денег, должности, благосклонности человека такую, что готовы убить любого на своем пути? А бывало с Вами так: коллеги, друзья вольно или нет, делали Вас «козлом отпущения»? А что есть наша жизнь? Почему она так несправедлива и заставляет идти на дерзкие, неоправданные поступки?

В этой книге лишь ключи от дверей, что Вы позволите себе открыть и ответить на эти вопросы. Ибо все наши действия, словно партия в шахматы с судьбой. Есть такое определение в игре – *табия* – позиция в шахматах, с достижения которой игроки делают «не книжные» ходы. Так и наши герои, разыгрывают дебют, борются с испытаниями, проходят через трудности, предательства и смерть.

Действие разворачивается в XVIII веке, в России: на Северном Урале и просторах Поволжья. Купец М. Ф. Гайдурицкий, успешный предприниматель, тяготеет вмешательством в свои дела матушки. И имеет своим намерением более разбогатеть. Пускаясь от «во все тяжкие», от случайного знакомого узнает о возможности обогатиться через сиротку.

Герои, обитатели тех краев, оказались впутанными в историю с поиском сокровищ, серию убийств; в таинства подземного народа, вынужденного, теперь, вечно оберегать Землю

от зла.

Достанет ли смелости каждому из них, достойно принять испытания? Или пройдут они через страшную черту и тогда, на чьей стороне они окажутся?

О Сатане

«...Лицо его было подобно цветку полевому, глава его была увенчана венцом, который украшался золотом и пресветлыми камнями, одежда его была пречудная.»

Святитель Игнатий (Брянчанинов). Прибавление к «Слову о смерти». «О духах, аде и Рае.»

Предисловие

Взбираясь к Нему, на потухший вулкан, владеющему всеми возможными богатствами и наслаждениями, шла я по узкой лестнице тщеславия. Тернист, беспокоен сей путь. Вначале, нас было множество: вожделевших его взора, благодати и звона монет. Уже было приблизились и были обласканы вниманием, властью и золотом. Путь становился все уже. Нас обгоняли страждущие, что имели более сил. Порой, они низвергали с шатающегося, ветхого моста, мешающих им слабаков. И те, с криками и мольбами о помощи, низвергались в бездну. Мы, безмолвно взирали на этот «естественный отбор». От бессонных ночей, без отдыха и полноценной еды даже плохо понимали, что с нами происходит. Вспомнив об ушедших, без эмоций, продолжали свой путь повторяя корпоративную мантру: «Это случилось не со мной... не со мной. Не со мной!»

Шли годы и более молодые вошли в наши ряды. Чем меньше они радели о профессии, чем мизерней были их заслуги и образование, тем жестче и наглее они становились. И вот, мы – давние приверженцы нашего Идола, полетели вниз. Немногие из нас оправились от удара.

Снова очутившись у вожделенного истока – подножия ложной цели, что так влекла меня своими обещаниями, я удалилась прочь – испытывать Судьбу. Потерянная, ни-

щая духом, оборванная цепкими, острыми когтями бесноватых, напыщенных, уродливых церберов, среди лесных болот и мха – откопала свой похороненный Дух. И вместе, пошли мы скитаться, по неведомым тропам Бытия.

Спустя три года, увидев покаявшуюся и раздавшую долги Душу, открыла Природа нам великую тайну – следы Учителей на заросших чертополохом тропях.

Так начался наш запутанный путь: со множеством загадок, иносказаний, разочарований, открытий и ужасающих откровений. Постижения одной из миллиона Вселенских тайн – смысл жизни Человеческой. Коварная, манила за разгадкой, предлагая неизбежное: пройти сквозь семь кругов ада. И на самом краю, забрав последние силы открывается, вдруг, с осознанием: «Ведаю!»

Пытливый ум, ты не найдешь здесь способа разбогатеть. Но увидишь множество ключей, что приведут тебя в итоге к единственной двери – познания свой жизни и предназначения. Ты не найдешь здесь советов, но лишь подсказки. Ибо это – сокровенная тайна.

Скажешь ты: «Может ли сказка дать ключи к познанию мира, ведь сейчас 21 век?» О, не спеши! Знаешь ли ты, что нейтрино¹ меняет свой спин на противоположный, зная о на-

¹ Нейтрино – нейтрончик (итал. neutrino). «Частица-фантом» не имеет заряда, составляет 10% от количества всех «не нейтринных» веществ Вселенной. Пока вы читаете эти строки 10¹⁴ частиц нейтрино, пронизывают Вас. Полагается, именно они расширяют Вселенную. По гипотезе, существует антинейтрино, что составляют 1/3 от количества нейтрино. По мнению ученых это может быть

блюденни за ним естествоиспытателем? А знаеш ли о том, что электрон, двигаясь из точки А в точку В «заглядывает» в точку В оценивая ситуацию, находясь в двух точках одновременно? О том, что черные дыры плюются своей энергией ты уже слышан. Удивительно, не так ли? И сказка может оказаться не тем, о чем предполагается.

подтверждением существования минимум, 11 параллельных миров. Даже ада и Рая. Невероятным является совпадение: количество падших ангелов составляет $1/3$ от армии Архангелов.

I. Ночное происшествие

Морозная ночь ноне выдалась, такая – пар застывал на морде у коней сосулькою. По наезженной дороге, размеренной рысью, ехал крытый возок купца Гайдурицкого Максима Фёдоровича. Небо темное, с малой толикой звездных горошин на небе, «Медведицами» да «Поводырем»² на краешке. От маститых коней, запряженных двойкой, шел пар.

– Барин, никак отстают обоз-то. Можя погодим? Вона как мороз трескуч. Неровен час остановятся. Пронька – то молода еще, поди груз перевесил, не сдюжит. – обратился к барину сидящий на козлах Антипыч, надвигая крепче на уши овечью шапку.

– Ты учи, учи! Лошадь пожалел. В пол версты идут, нагонят. – ответил тягучим низким баском барин.

Возок спускался в ложбинку, показалось Юшкино урочище. Лошадки понесли быстрее – дорога теперь знакома. До теплых купеческих конюшен оставалось шестнадцать верст.

И правда, обоз о трех саях увеличивал ход. Видно, с горки пошли лошади.

– Антипыч, чутя! Слышишь что? – громко крикнул барин в ухо кучеру, приподнимаясь.

Не успел возница ответить, замелькали впереди серые те-

² «Поводырь» – Полярная Звезда.

ни. На дороге, обходя возок по обеим сторонам, бежала стая волков.

– Держись ба-а-ри-ин! – крикнул старик, замахнувшись коротким плетеным кнутом. Воскликнул и огрел оба крупа рысаков. Кони закусали удила и дернули с места возок, и кучера, и барина их. «Эх, поздно! Господи, Спаси и помилуй!» – тяжело застонал кучер.

Матерая волчица, путаясь под ногами пары, метилась уку- сить за брюхо чубарую³ пятилетку. Стая наскакивала со всех сторон, напирала выпучивая глаза и скалясь. Лошади, чую запах волчьей шерсти, обгрызали удила. Пускали пену, ржали, тащили возок невпопад. Дернулись вроде и... встали на дыбы. Возок повалился. Люди вылетели из него в стужу, на расправу зверю. Дико подвывая, с неотвратимой, отдающей смрадом и голодом яростью, набросилась стая на обезумевших лошадей.

Молодой волк, отбившись от общага, опустив морду и ошестинившись, медленно – след в след, шел на двух барахтающихся в глубоком снегу людей. От стаи отделился молодец, рыча, приближался.

«Погибну, а барина уберегу.» – подумал Антипыч. «Вот, я их отвлеку, пушай грызут – тулуп-то новый. Пока прокусят...» Изловчившись, дотянулся до торчащей в снегу ро-

³ Чубарая – белая масть лошади с черными овальными пятнами, иногда с розовыми вкраплениями. Копыта полосатые. Хороша для гонок экипажей. Пара ценится дороже чистокровных скаковых.

гатины, упершись обоими руками – рванул на себя. Ветка хрустнула – старик боком повалился в снег. Волки атаковали, вцепившись сразу, втроем. Он затрепыхался в куче, отбивался хрипя.

Со стороны подоспевшего обоза, улюлюкая, бежали люди. Запрыгали неясные блики, послышалась стрельба.

– Бей их, Васятка, с права гони! – орал во всю глотку художочный мужичек, тыкая из-за упавшего возка горящим нефтяным факелом, в мохнатые морды. Переметнувшись, подскочил влево, схватив барина за шиворот, встряхнул и сгорбившись, потащил к обозу.

– Принимай, Макаровна! Денщик бережно положил барина в возок, подоткнул полы тулупа. Обернулся к лесу и саженью, поспешал к мужикам напрямик.

Макаровна, тридцатилетняя ловкая баба, со знанием ощупала барину голову, руки, ноги, распахнула тулупчик – нет ли ранений? Десять лет назад, Максим Фёдорович ей проходу не давал. Ибо войдя в пору весты⁴, расцвела лазоревым нежным цветком, манила к себе диким, непокорным нравом. От того, взял хозяин Антипыча к себе возницей, дабы по – боле видеть красавицу. После, страстное увлечение прошло. Возница так и прикипел к барину, будто к родному сыну. Макаровна, три года назад нанялась к Гайдуриц-

⁴ Веста – Богиня очага, дева-весталка особо почитаемая 9 июля (рим.). Древнерусское значение – достигшая необходимого возраста и подготовленная к замужеству девица, с ней играли свадьбу. Достигшая возраста, но неподготовленная к замужеству – не веста, союз с ней считался браком.

кому провожатой, по опасным лесным дорогам. Как он понимал, более ни из-за денег, а из-за великой боязни за батюшки своего. Потому за три деньги в месяц, имел купец не только двоих надежных провожатых, но и ищеек с хорошем чутьем, что в людях, что в торговлишке.

– Очнись, Максим Фёдорович! – тормошила она его за плечи.

– На ко! – Макаровна поднесла к его губам деревянную фляжку и запрокинув болезному голову, влила в рот пахучую жидкость. Барин закашлялся, матерясь, отстранил флягу. Спрыгнул с обоза, нетвердо побежал к Ачипу Антиповичу.

Баба взяла под уздцы Проньку, тихо молясь, успевала класть крест щепотью, ставила в круг обоз.

Ачипа сообща вытащили из сугроба, отбив его еле живого, от озверевших волков. Левая нога его, без валенка, волочилась в сторону, оставляя на вспаханном снегу тягучий темный след. Голова болталась, что сломанная маковка. От пальцев на правой руке не было следа, вдоль рукава стекала липкая кровь. Тулуп изорван в клочья, шапка с рукавицами остались зарытыми в снегу.

Макаровна всю флягу вылила на калеку. Наспех перевязала исподним. Возницы бережно закутали старика в овечью накидку, укрыли с головой. Стали совет держать.

– Барин, до утра придется ждать. Не дадут с налета пройти окаянные!.. – сказал худосочный старичок.

– Никитка, что потупился? Али напугался? – барин тронул вьюношу за плечо.

– Не-а. Можа пронесет. – сказал неуверенно Никитка.

– «Можа и пронесет». – задумчиво передразнил барин.

– Что встали? Ружья ряди!

Никто не шелохнулся.

– Н-у-у! — нетерпеливо затянул барин.

Мужики нехотя взяли и перекрестясь, с опаской, побрели к побоищу. Поставив перед собой по факелу, прицелились: п-ф-шу-бы-ах! Жерла самопалов нестройно плюнули железом, давясь огненными искрами в едком дыму.

Макаровна, подвязав поводья лошадей к последующим санями, поспешала с обозом к мужикам. Они, на ходу повалились в сани. Волки, ненадолго отброшенные в лес, возвращались к своему дикому пиру. Никто из них не обращал внимание на изуродованные трупы сородичей, распростершихся теперь здесь же, у санной колеи. Лишь волчица провожала не пойманную добычу, пристальным взором.

Мужики притихли. Только однажды за всю дорогу, переглянулись меж собой:

– Макаровна – ни слезинки не проронила, будто Антипыч ей не батя родной, а так..! – прошептал Евсей вознице.

– Анчутка⁵, одно слово, дурная баба. – ответил Никитка и смачно плюнул в снег, дернув вожжи.

Анна Макаровна, сидя на последнем возке, бережно дер-

⁵ Анчутка – бес.

жала голову Антипыча. Закусив нижнюю губу крепилась, чтобы не завывать. Слезы катились и катились из закрытых глаз. Слезинки застывали на щеках, обжигая ледяным холодом. Потому глаза, теперь, заболели от мороза. Всклипнула тихонько и осеклась. Подъезжали. Над лесом брезжила заря.

Максим Фёдорович был чернее тучи. Молчал угрюмо, думал: «Ах ты! Ах ты ж... Ну ничего! Вот поквитаемся ещё.» И стянув пришитую к тулупу соболью рукавичку, погрозил тяжелым кулаком оставшимся позади молчаливым, вековым елям.

Обоз подкатил к новёхоньким осиновым воротам. Собаки заливались частым лаем, слышно было, как в теплом сарае мычали коровы, шарахались овцы. Над кирпичной трубой хозяйского двухэтажного сруба, украшенного по карнизу витиеватой резьбой, поднимался ввысь серый дым. В воздухе пахло парным молоком, вчерашними щами и только что испеченным хлебом. Никита соскочил с саней и вприпрыжку добежав до ворот, затарабанил кулаком по струганным доскам, нетерпеливо вдыхая ароматный дух:

– Эй! Уснули что – ли, оглашенные! Отпирай, барин приехали!

За забором ожило. Сквозь щели досок виделось: мелькали темные тени, заскрипели засовы, в домиках многочисленной челяди вспыхивали огни. Заметались люди по двору. Ключница Мавра Лукинична, в белом овечьем тулупе с большим отложным воротом, тяжело спускалась с массивного крыль-

ца. Осторожно несла дородное тело, держась за резные перила. Освещала предрассветную мглу фонарем.

На дворе, все происходило само собой. Подбежавшие мужики отвели лошадей распрягать. Бабы кинулись к саням. В десять рук, держа овчинку, бережно понесли Антипыча в баню. Грунька, вертлявая девка, по велению старшой, притащила образа – на всякий случай, бубня: «Тьфу, тьфу, тьфу – кыш, нечистая...» Макаровну из бани выпихнула старая повитуха. Взяв под локоток, шептала тихо, напирая:

– Ты Аннушка, касатушка иди к себе, милая. Свечку под образами зажги. Помолись Господу нашему, Пресвятой Богородице, Ангелу-хранителю да Архангелу Рафаилу. Иди деточка. Нечего тебе здесь смотреть. – промолвила и аккуратно перед носом, затворила дверь предбанника.

Бобылиха⁶ пошла в свою комнатку. Зайдя в светелку, беспомощно села на сундук. Затем обессилив, медленно сползла на пол. На коленях задвигалась к образам, уставившись на них остекленевшими от слез и мороза взором, неистово крестясь: «Господи! Отче Наш...». В окне мелькнул вездесущий, цепной пес барина – Чекан.

Мужики пошли на черную кухню, отужинать. Барин выписал мужикам «по стаканчику». Лукинична вела барина к дому, тряся головой, причитала:

– Батюшки Святы, барин! Тулупчик запачкали, на плече вон дырка. Милай...

⁶ Бобылиха – вдова, одинокая женщина.

– Цыц! Пелагия где? – рыкнул барин.

– Почивает, батюшка. Вчерась из монастыря приехали с матушкой вашей и Аленушкой. Девушки в баньку сходили, чайку с пряничком откушали и почивать легли. – торопливо доложила Лукинична.

– Ладно. – ответил барин.

Добавил:

– Вели сейчас же сани за Ореховским и Бузенцовым отправить. Ох, грешные животы наши... Ну иди пока. – и взял у нее фонарь.

– Батюшка, ужин стынет, в горенке накрыто. Уважь старуху, хоть медку отведай. – тараторила ключница, хватая молчуна за локоток. Приняла в гостиную от барина тулуп.

Максим Фёдорович кивнул и закрыл за собой дверь в светелку. Лукинична понуро постояла минуту. Замешкалась чуток и побрела, шаркая валенками – отдавать распоряжения.

Шла по двору, доставая кيسет красный с золотой кисточкой. Остановясь, заложила табак в ноздрю, задумалась. Никак она смекнуть не могла: «Чего это барину стряпчий понадобился? Ну дохтур то Антипычу нужен, понятное дело. А Ореховский ему на что? Уж не занемог ли? Завещание чё-ли писать будут?» Ключница звучно чихнула, зажмурившись. И... растянулась на полу конюшни. Видно молодая работница, с пристрастием отмыла его топором, обильно полила кипятком и посыпала известкой. Это в мороз – то!

– Грунька! Подь сюды, сучье отродье Я те все космы по-выдергаю! Кто велел кипятку лить, дура! – орала, вставая с мясистого зада ключница. Безуспешно отряхивала необъятный подол от успевшей примерзнуть к нему, известки.

Заслышав крик, девки в птичнике закисло от смеха, прикрывая рты кулачками.

– Я тя найду! Вот я тя найду! Навечно в красильни отправлю! – охая и хромая побрела ключница к сараям, искать бедную Груньку.

II. Семья Гайдурицких

Максим Фёдорович был второй гильдии купцом. Силился, ловчил, но денегат для большего размаху не хватало – то мор на скот найдет, то народец к раскольникам ватагами сбегает. Смутные времена – ни в ком нет веры и опоры.

Вот и сейчас, оставшись один думал: «Избежал неминуемой гибели да увечий, Господь миловал! А терять – то есть что. Пелагия вот, дочь единственная на выданье. Восемнадцать годков – бойкая, „кровь с молоком“, за словом в карман не полезет». Вздыхал, поминая прошлое. Мать Пелагии – Виринея, умерла, когда детёнку и года не исполнилось. По морозу мужа встречала, принарядилась без валенок-то, в сапожках – по случаю Рождества. Слегла. Быстро прибрала ее «косматая»⁷.

Дочь воспитывал сам. Грамоте была обучена, читала складно. Бог способностями не обидел, токмо неусидчива. Книги, страсть, как не любила. Все ей забавы подавай. То няне соли в кисель подмешает, то поросят за околицу выпустит, то козлят да цыплят в дом напустит. Все прощал ей отец. Но, обучение все – же строго – на первом месте было: цыфирь складывать, да отнимать. Еще множить – здесь потруднее, да книги амбарные вести.

Так и остался бобылем, не женился боле. Претила ему

⁷ «Косматая» – Смерть (переносн.).

мысль одна: кровинушка его будет мамкой чужую тетку называть!? И опять же, ровню он себе не найдет: вдов богатых – на перечет, да и старые они. А наследство? Делить между дочкой и мачехой – он не даст! Теперь, Пелалея с ним на торги ездит, сама сделки совершает. Но капитала ей большого не доверяет – молодая, горячая. Рангу еще соблюдать не научена.

Прижавшись спиной к прогретой стенке, задумался: «Антипычу – деревеньку отписать и пять дворов, землицы еще... Ох времена дикие! Не дашь – выскочки из быдла⁸ застрашают, в отместку на жадность в спину пальнуть – это смогут! Да и не жилец, лишеник, в скорости. Ино деревеньку то, обратно заберу. Не забыть: Макаровну, дочку евойную, серебряным рублем одарить нужно – прилюдно.» Думал так и хорошо было сидеть. Тепло, блаженно. Заботы ненадолго отступили, барин прикрыл глаза.

Гайдурицкий отпускал Пелагию по святым местам, с пожилой благочестивой своей матушкой – Марьей Ивановна, девкой чернавкой, пятью бабками-приживалками и двумя дворовыми мужиками. Тогда и брал по делам купеческим Макаровну. Было у нее чутье – кто рыбу тухлую торгует, кто на цене хочет нажиться нехорошо, где ливонцы⁹ собираются без чужих глаз (вот удача) – сговориться о цене за товар.

⁸ Быдло – презрительное обозначение крестьянской массы.

⁹ Ливонцы – жители трех областей восточного побережья Балтийского моря: Ляфляндия, Эстляндия, Курляндия (устаревшее).

За что и держал вольнонаемную бабу. Одно плохо – не крепостная была, с норовом.

Вот Пелагию оженит, обзаведется зятьком, да и отправит Макаровну восвояси, с глаз долой. Не любил он бестягольниц¹⁰ с характером – от них одни беды. Жалостливые больно – чутье есть, да хватки нет. С такой – не озолотишься. А ведь должна быть ему Фортуна! Верил Максим Фёдорович в свою безоговорочную исключительность и случая удобного, судьбоносного ждал.

Тихонько отворилась дверь. В комнату, не стесняясь, величаво вошла маменька Максима Фёдоровича – Марья Ивановна. Высокая, сухопарая, вся в черном. Медленно подошла к образам. «Положила крест»¹¹, направилась к окошку и чинно села в креслице, обитое серебряной парчой. Опершись маленькими ладошками на львиные головы, устремила пристальный взор на сына. Ничто бы не выдавало ее волнения, кабы не руки: бледные костяшки пальцев, скрюченные болезнью, изрезанные синими реками блуждающих вен. В моменты волнения, они предательски вздувались шишками. Видно было, как с натугой, по ним пробивается и пульсирует кровь.

От одежды старухи, за версту пахло отдушкой и дорогими духами. Дело уже привычное. Максим Фёдорович само-

¹⁰ Бестягольник – человек, не имеющий повинности, оброка – свободный человек.

¹¹ «Положить крест» – перекреститься.

лично выписывал их из Москвы, через местного доктора Семёна Ильича Бузинцова. Не скупился барин на эти капризы. Все потому, что поле смерти Виринеи, случился с маменькой припадок. С тех пор отказывалась она ходить в баню – боялась простыть. А белье ей переменяли по два раза на день. И еще – с тех пор, дремучая, стала хорошенько натираться уксусом – «для здоровья». Оттого всякий знал по запаху, что родительница ноне гостит у барина. В эти дни, на женской половине все говорили шепотом и ходили на цыпочках. Или вообще, старались там не появляться. Потому как бабки – приживалки дубасили клюшками каждого, кто скрипнет половицей возле светлицы благодетельницы, в обеденный час.

Мамаша нраву была крутого. Ежели что не по ее – дворовых мужиков били батогами да розгами, нещадно. А девок нерадивых – на год отдавали в красильни строгонькой Игуменьи Аполлинарии, на перевоспитание.

– Что Максимушко, намаялся? – ласково, на распев, произнесла Марья Ивановна.

Максим Фёдорович равнодушно повел косматой бровью, не поворачивая головы лишь глухо спросил:

– Алёнушка как? В разуме девка?

– Слава Богу! Сторожится. Буде – лишний рот. Ты пока погодь с ней решать... Пушай до лета поживет. Она мне «смертное»¹² вышивает, а там и в монастырь отправим. А да-

¹² «Смертное» – одежда для погребения, приготовленная пожилым человеком для своих похорон.

ле – как сам решишь. – ответила мать и не дождавшись ответа, встала. Плавной походкой вышла из комнаты, притворив за собой дверь. Остановилась тихонько, притаилась.

Барин схватил тарелку с куриными потрошками и швырнул в дубовую дверь, прохрипев тихонько:

– Держи, дура старая!

Матушка расслышала. Удовлетворенно кивнула и сделав страдальческое лицо, удалилась в свои покои. Оттуда еще долго слышались причитания и старческие проклятья приживалок. Кляли антихриста – сына неблагодарного, жалостливо голосили на весь дом.

Максим Фёдорович достал из шкафа граненый стакан, налил берёзовки¹³. Выпил залпом, занюхал хлебом. Сложно было описать, что испытывал он при общении с матерью. Стукнуло ему сорок лет, а все метался он, ища и ожидая неведомого. Ничем не мог он насытиться, ни остановиться. Душа его кидалась из крайности в крайность. Топил он нещадно и шалил мордобоем в доме терпимости. То в монастырь молиться ехал. То неделями колесил по селам, незнано зачем. Про себя звал мать – Она. И каким-то звериным своим чутьем понимал, считает Она его слабым и нерешительным. Никогда не мог он Ей услужить. Разве было ему понять, что он в родительских руках – игрушка. Не знал и не догадывался, какие еще коварные планы были изобре-

¹³ Берёзовка (березовица) – древнерусский напиток, известный со времен скифов. Готовился из бродящего в тепле березового сока.

тены ею, ради удовлетворения ненасытной, властолюбивой
натуры.

III. Побирושка

Скитаясь по деревенькам и селам, свела как-то барина судьба с попом – расстригой Осипом, по кличке «Чё-дашь». Лишился он своего сана за вольные речи и крамольное толкование Евангелия. Памятуя прошлую сытую жизнь свою, любил распопка поговорить и покушать. От скуки, подобрав Осипа на дороге, привез его барин на двор старосты, в Мошки.

Подпоив побирושку, сели обедать. Оказалось, расстрига был нраву беспокойного. Сначала со всеми соглашался, потом кричал. Вскакивал с места, лез целоваться, а в другую минуту оскорблял лобзаемого и забывал об этом. Громко рыгал. Расстрига был тельца тщедушного, роста высокого, с костлявыми руками до колен. Голова – сверху приплюснута, лба у него почти не было. Высокие скулы – особенно выделялись. Больше, портили это существо – два, близко посаженных, «рыбьих» глаза. Рыжая, редкая бородка делала весь образ, похожим на тощего козла.

Покачиваясь на табурете взад – вперед, помахивая зонтиком укропа выловленного из миски с солеными огурцами, дурачок разглагольствовал:

– Знаешь ли ты барин, мой дорогой, что такое человек? – «Чё-дашь» замер на мгновенье. Стул под ним перестал скакать. Не услышав от харчующихся ни слова – продолжил,

мучая четыре ножки деревянного табурета:

– Это такое животное, что не способно ни к учебе, ни к просвещению. За всю свою жизнь ничему духовному оно не учиться. Только тянет лямку свою, словно осел. С рождения оно уже зловонно – больно. Ничто его не беспокоит, кроме себя, самолюбца¹⁴. Только и знает это животное, что мучиться и каяться! Само себе помочь не может, слепо верит в Бога и заповеди его. Влачит нищее существование, потому что так надо, так велит ему Единый. И не видит оно разницы между нищенством и воздержанием, веря в Пришествие, Искупление, Добродетель. И где все эти человеки, скажи?

Осип остановился и послушав немного стук ложек за столом вперемешку с забористым словом проезжающего возницы, продолжил:

– Я тебе скажу – в клоаке земной, в грязи! И выбраться им нельзя. Только мы, носители мысли – Сверхчеловеки, можем отринуть все!.. Вскрыть этот пошлый нарыв, гной больного воображения – сердобольное Христианство. Взять все, что нам надобно без границ и предрассудков! Сжечь прошлое дотла! И возвести новое, на крови и костях старого – вот принуждение нашего Времени. А тем, кто цепляется за веру – нужно помочь сдохнуть, ибо они слабы и недостойны своего звания Человеков!

Закончив свою помпезную речь, Осип торжественно порвал укроп в клочки. Они попадали на стол, в винную лужу.

¹⁴ Самолюбец – самолюбивый человек.

Сказав так – застыл, олух блаженный, скрестив руки на груди. Растянувшиеся от времени, сальные обшлага рясы, оголили тощие, в цыпках, волосатые руки.

Староста постукал расписную деревянную ложку о край тарелки, отряхивая от «свойской»¹⁵ лапши. Нехотя отложил прибор, повернулся к красноречивому гостю и со всего маха ударил расстригу правое в ухо. Недовольно заметил:

– Молчи, балаболка! Бога не трож. Не велю. – и снова при-
нялся за лапшу.

Осип слетел с табуретки в угол. Кряхтя поднялся, не с первого раза. Утирая кровавые сопли грязным рукавом, сказал упрекая:

– Правильно, бей! Сострадание ноне дорого.

Нетвердо подошел к старосте, хлопнул по спине, отпрыгнув (на всякий случай) и торжественно произнес:

– Смело, товарищ¹⁶! Да здравствует дорогой хозяин!

Барин:

– Так ты говоришь, Бога нет? А что есть?

Расстрига встал и задрал голову, тыкнул перстом вверх:

– Великое Ничто!

Староста поднялся, взял Осипа за шкурку и молча выкинул из дома. Тот отряхнулся, торопливо подбежал с улицы к окошку и заглядывая в светелку, заорал:

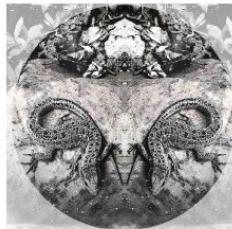
¹⁵ Свойская – домашняя лапша. изделие из пшеничной муки, в виде узких тонких полосок теста.

¹⁶ Товарищ – люди, объединенные общим занятием, бытом или делом.

– Дураки! Я о свободе вашей радею, халдеи! – расстроившись, осел на завалинке. Жалобно поскулив притих, размлев от дармового обеда.

Неделю в пьянстве и распутстве колесили барин и распопка по селам, похваляясь меж собой, кто сколько баб силой взял, кто за сколько девок купил. Выиграл барин: за четыре деньги купил у многолетней семьи девку – хороша была. От истошной безысходности, виновато, выпихнула родня из дома невинное дитё – в лапы зверям.

Позабавились «мохнорылые» вдоволь. За ненадобностью, бросили у пруда стратотерпицу¹⁷, швырнув на кровавый подол полушку. На другой день, тамошний водовоз нашел ее утопленной. На берегу лежал аккуратно сложенный девичий сарафан, на нем бечевка с оловянным крестиком, и злосчастная полушка – «на смерть».

¹⁷ Стратотерпица – мученица, страдальца.

IV. В поисках людоморов

Узнав о бесчинстве, где – бы теперь парочка не появилась, толпа баб с коромыслами и палками, крича, бежала навстречу. Безобразники только ржали во всю глотку, но в деревни больше заезжать не решались. Полицейский десятский с сотоварищами сбились с ног, разыскивать барина для вразумления.

Сказывают, Полицмейстер – Кулебяка Радимир Ануфриевич, кричал сильно на сотского, требуя высечь негодников за людоморство. Только все зря, ибо и сам он ведал: купца второй гильдии розгами сечь закон не велит. Очень боялся Полицмейстер, как – бы из столицы не выслали к нему на помощь обыщика¹⁸, дабы прекратить бесчинства. Страшно подумать, что бы нарыл тот сыщик. Ибо, знамо – дело, власти у ищейки в Уезде нет, а виновного найти надо. Хорошо, ежели мудрый и с опытом попадетя. А кабы сынок советника какого (отправленный для выслуги), по скудоумию своему, за взятки возьметя?

Радимир Ануфриевич 56 лет от роду, дородный, кругленький, за свое дело радел. Взятки не брал, ни-ни. На расправу и суд был крутенок, но зело мудр. О чем знал весь Уезд, потому больших бед избегали. Делая наскоро объезд по близлежащим селам, рассуждал: «Господи, как же все по-

¹⁸ Обыщик – сыщик.

спеть? В распоряжении всего три человека и то, двое моих по селам шастают, беспутного распопку с купцом выискивают. Ни чешуи им ни рыбы, бесовы дети!» Остановил возок у дома, что на рогатине пучок сена был выставлен.

– Агрепинушка, ну-ка выходи! – крикнул нарочито сладким баском.

Из покосой двери вышла тетка, с намалеванными свеклой щеками. Беленая, лицом гладким, словно яичко. Улыбалась, обнажая ровные, красивые зубы. Волокла с собой босую девчущку лет восьми. Та, тащила деревянный поднос с чекушкой, веткой черной смородины и куском расстегая.

– Ой-ли, Радимир Ануфриевич пожаловал. Милости просим! – ответило намазюканное женское личико. Отвесив поклон до земли, выпихнула чадо к одноколке.

– Позалуйте откуфать, Вам ждесь жафсегда рады. – прошепелявила девчущка, глядя на дядьку бездонными зелеными глазами. У нее сегодня выпал молочный зуб, отчего теперь пришёптывала. А мамка, в утешение, дала здоровенного леденцового петуха на палочке.

Полицмейстер сурово глянул на дитёнка, спросил:

– Где зуб-то потеряло, дитятко?

– Та... – девочка неопределенно махнула рукой.

Затем, оценивающе посмотрела на дядьку, сама себе кивнула – приблизилась. Встала на «цыпочки» и посмотрев по сторонам, прикрыв с боку рот ладошкой, прошептала:

– Мамка шказывала: Бяка унеф, а леденеф офтавил. Во –

палка ефть. Хофь, дам пофофать? – девочка немедленно вытащила из запазухи липкую деревяшку с остатками леденца, протянув Полицмейстеру.

Радимир Ануфриевич поперхнулся поданным «Ерофеичем»¹⁹. Откашлявшись, приходил в себя. «Бякой» его за глаза называли лиходеи и беглые. Видать и тут без них не обошлось.

Полицмейстер силился погладить девочку по белокурой головке, та кружилась, егоза²⁰. Рассматривала шпоры на ботфортах, то медные бляшки на одноколке. Все трогала, нюхала, залезла в возок, норовив забрать вожжи.

Мать, пытаясь собрать во едино все части тела движущейся проказницы, приговаривала:

– Глянь, где Манька теперь. Вот я ее у оврага видала. Будет тебе «на орехи», коли в чужой огород залезет.

Девчущку, как ветром сдуло. Помчалась по лебеде сверкая пятками, не разбирая дороги – искать свою козу.

Агрепина успела умыться, повязать платочек по – скромнее. Печально смотрела на служивого. Опершись на оглоблю одноколки, заговорила ровным, приятным слуху голосом:

– Племяшка... Меня мамкой зовет. Тяжко девчонке без родителей. Унесла их чахотка триклятая. Да видно все под Богом ходим. А я что! Одна... Теперь есть кому трактир на старости оставить.

¹⁹ «Ерофеич» – настойка вина на травах.

²⁰ Егоза – подвижный, неугомонный человек; ребенок; животное.

Сказала и посмотрела куда-то, в даль. Очнувшись, добавила:

– Знаю, про кого спросить приехал. Наведывались они, вчерась. Пили много. Как стратотерпицу до смертоубийства довели, так Первачку Вершову за собой таскали. Одели в рубище кулёму дремучую и потешались, шалопуты. Сам знаешь, она баба – дрянь, блудяшка скудоумная²¹. А охальники знай свое, напоили и «серебряный» затетёхе кажут: «Танцуй, милая! Вот денежка – то она, вот!..» Докружилась михрютка, весь пол в кабаке уделала, блевака. Тьфу, страмота! – Баба плюнув, в запале шлепнула ладонью по лошадиной ляжке. Кобыла лениво лягнулась и повернувшись к бабе, оскалила потемневшие зубы.

Полицмейстер в задумчивости трогал усы. Затем достал табачку, понюхал хорошенько. Прочихавшись, спросил, отирая выступившие слезы:

– Ты, Агрепина, женщина умная. Что мыслишь, где искать лихоимцев?

Агрепина поглядывала, как девчужка пытается тащить козу за рога, машет на нее ручкой, видно уговаривает. Помолчав, для порядка, ответила:

– Распопка, тот плут трусливый, до денег падок. С теми кто при них – дружен «в другую сторону». Скопытится скоро – туда ему дорога, грабастик²². А купец теперь гдей – то

²¹ Блудяшка скудоумная – гуляка и природная дура.

²² Грабастик – вор, грабитель.

отоспится и домой сбежёт, под мамкин подол. Так что жди, через пару дней объявиться. Выгниваться тебе за ними – не с руки.

Женщина натужно вздохнула и промолвила:

– Ну, некогда мне. Господь с тобой!

Перекрестила урядника и хотела было уйти. Но тот подо-звал ее жестом, вложил в руку плотную бумажку, свернутую трубочкой, промолвил:

– Вот, возьми. Знаю, в пользу распорядишься. А за совет – спасибо.

Вздернув вожжи, погнал лошаденку по сельской дороге – к речке, на развилку.

Агрепина, приложив ладонь ко лбу, провожала возок пока одноколка не скрылась за подлеском. Потом, рассмотрела грамотку, прочла бегло. То было рекомендательное письмо Матушке Софье на босоногую егозу. В женском монастыре – благостном и святом месте, была школа для сироток в 4 класса, ремесельная мастерская, скотный двор, маслобойня, сыроварня, скорняжка, приют для больных.

Женщина расплакалась. Сорвала с себя платок и с возмущением воздела руки к пропавшему среди пыли и леса возку:

– Что приезжал-то? И откуда только про сиротку узнал, черт малохольный!

Обмякнув от слез, вошла во двор.

– Настён, ну где ты там? Подь сюда, помочь мне надо! –

Звала надрывно через позьмо²³, в сторону сада, где паслась бестолковая коза.

Затем, войдя в трактир со двора, крикнула целовальника. Заговорила деловито:

– Ты уж, Сивел, пока схоронись. Вот ведь, лихие люди не угомонились. Куда ты с деньгами то государевыми, да в пасть ко зверю? Меня не будет пару дней. Тут и пережди. Закройся хорошенько. Никого не впускай – вон колотушка²⁴ на столе. А я в монастырь и обратно, слышал? Тогда, мил человек и поедешь. Покушать, да попить знаешь, где. В баньке вода налита, дрова припасены. – бухнула дверью и была такова.

Целовальник, что собирал налог на хмельное, следовал с деньгами в Уезд. Да возок поломался, задержался на постое. Теперь и вовсе на три дня опаздывал. Но государева служба беречь ценный груз обязывает, Агрепине он доверял. Как – никак пять лет с ней дела имеет. Вздохнул и пошел на топчан за занавесочку – досыпать.

Тетка спешно заперла ворота, убрала рогатину с сеном

²³ Позьмо – земельный участок в собственности. В зависимости от региона, применимо к внутренней части двора, либо к возделываемой пахоте.

²⁴ Колотушка – прибор для постукивания ночными сторожами при обходе охраняемых участков. В селах, сторожами выступали сами жители, бравшие ночное дежурство – каждый двор поочередно. Мерно постукивающая ночная колотушка призывала граждан к спокойному сну. Коли стучала без умолку или вовсе смолкала – беда, на помощь! Послужило названию малого полицейского чина – околоточного (ведающего околотком).

и юркнула в дом, собирать дитяtko.

Радимир Ануфриевич трясся в возке, отпустив вожжи. Слюнявил карандаш, тыкал в памятку – зачеркивал: «Старосте предписание на ремонт дороги – через неделю проверить, да три избы покосились – подлатать. На рынке бабы огурцы торгуют ценой не по сезону – штраф передать летучему порядку. Баня в Уезде глинобитная – поправить, опять же, старосте депешу справить. Сотскому наказ дать: три хомута у извозчиков заклеить, нищего на кладбище – изловить и в приют доставить, паспорта в доме терпимости в субботу проверить. Пятидесятому – линейные насаждения берез²⁵ и на центральном бульваре – восстановить. Да, сухота теперь стоит – подвяли, видать. Взыскать недоимки с семи дворов (список чиркнул наскоро). Бабы на рынке про антихриста кричали, мол: „В городе убивец завелся!“. Нарушительниц найти, высечь пустозвонок с толком. Десятскому, как отоспится – на заборах опять дегтем матерно писано – исправить. Нарушителя отыскать и на месячишко – в казенный дом. Доколе у двора Манюни Галушкиной, собака без привязи бродит будет? Пса пристрелить. Что баба без старания и радения к закону относиться – полденьги штрафа выписать».

Закончив со списком, сверился с дорогой – лошаденка сама бежала по узкоколейке, в сторону летних дач купечества. У куркуля местного – Изи Баруха, в день светского приема

²⁵ Линейные насаждения берез – посадки берез вдоль проселочных дорог.

украли подсвечники. Вот и мчался Полицмейстер по поручению Губернатора в субботний день, искать серебро. Знамо дело, искать долго не придется – видать в погребке у соседа и лежит. Проигрался, картежник, в Нижнем на Макарьевской ярмарке²⁶. Даже «побрякушки» полюбовницы профукал, горе – стяжатель.

Что до иродов – безобразников, сколько не пыжились власти, только и смогли, что оставить ночью околоточных из местных. А они сбегали с постов, боясь бесчинств от татей. Жители, создав дружину, бегали по лесу.

Прячась от погони, засели безбожники в крытом овине. Начался ливень, пришлось задержаться надолго. Решили здесь заночевать. Пили ол²⁷, зубоскалили тихонько.

Осип, быстро захмелев на старые дрожжи, валялся на сене. Заложив руки за голову, умиротворенно произнес:

– Ты мне, Максимушко, теперь аки брат. Я ради тебя, что хошь сделаю.

Распопка приподнялся, рыская рыбьими глазками по омету.

– Не веришь? Я докажу! Вот поведай – есть у тебя мечта,

²⁶ В Нижнем на Макарьевской ярмарке – Макарьевская ярмарка в Нижнем Новгороде. В течение четырех веков являлась законодательница цен внутри страны и международной торговли с Европой и Азией.

²⁷ Ол – русский напиток, схож с европейским элем. Варился подобно пиву с добавлением различных трав: полыни, хмеля, зверобоя и т. д. Иное название – «зеле».

настоящая, на всю жизнь? – глазопялка²⁸, настороженно задышал в темноту.

– Ну есть. – сонно отозвалось из темноты.

– Дак, ты мне скажи. Я тебе секрет открою. – возбужденно шептал расстрига, подползая ближе.

– Хочу стать миллионером, что б с оранжереей дом. Лошади Хорошёвские²⁹, жена – из графьев. Дочери титл куплю, замуж выдам. Матушку навечно в монастырь... – гундосил, засыпая барин.

Осип выслушал. Потом встрепенулся и нетерпеливо затряс Максимку за ляжку. Напугал, окаём³⁰, до икоты.

– Графиня! Слышь?.. – пьяно хихикнул распопка. Подвинулся ближе.

– Ты послушай, дурилка, верно что скажу! – Осип, дышал товарищу в ухо.

Купец насторожился.

– Слушай теперича. Кодысь я еще в чине был, причащал перед смертью купца Потапова. Знаю, в родстве вы. Так вот. Помирая, твердил он в горячке, о несметном богатстве. Про клад, что дочери своей шифирью в ящерке передал. Велел беречь ту финтифлюшку денно и ночью. Только девчонка

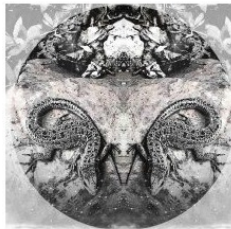
²⁸ Глазопялка – любопытный (-ая).

²⁹ Лошади Хорошёвские – «кобыльи конюшни для „ремонта“ лошадей» – с XV века обозначали конный завод, в том числе царский (Хорошёвский). «Ремонтом» в те времена называли пополнение конного состава войска. Заводчики держали здесь лучшие породы лошадей.

³⁰ Окаём – отморозок.

настоящей цены ящерке не знает. Вот ежели енту статуэтку или что там оно, заполучить – вмиг разбогатеешь. – распопка почесался, хлебнул из бутылки и улегся поудобнее. Свернулся «калачиком» и засопел.

Ночью, протрезвев, Осип «ополовинил» кошель товарища и запрятал денюгу надежно – за щеку. На утро отказался ехать с купцом – сказался больным. Валялся на сене и стонал с похмелья. Барин пропажи монет не заметил. Озадаченный ночной тайной, укатил спешно домой, замаливать грехи.

V. Веденей

Морозным утром, к крыльцу подкатили сани состряпчим и доктором. Хозяин еще не ложился и как есть, в рубахе, встретил гостей на пороге. После лобзаний, все разбрелись по нужным делам. Ореховский – оформить дарственную, а Бузенцов – в баню, осмотреть больного. К обеду, с честью покончив с заботами, собрались в гостевой. Болтали ни о чём, балагурили, радуясь благополучному разрешению забот. Разомлев от горячего обеда и медовухи на липовом меду, накинув тулупы – вышли в мороз. Отягощенные серебром карманы, сделали гостей вполне довольными собой. Приняв седоков, возница легонько окликнул гнедую лошадку. Та, застоявшись, помотала головой и деловито взяла рысцой, унося седоков к дальним сопкам.

В скорости после несчастья, Анна Макаровна везла Ачипа Антипыча в подаренную барином деревеньку. Погода стояла ясная. Воздух звонкий, будто потревоженный хрусталь – напрягал слух. На снег не посмотришь – искрился от солнца. Старая, рыжая кляча, выданная Маврой Лукиничной по распоряжению барина, нехотя тянула сани по заснеженной просеке. Ели в снежных шубах спали. Изредка нарушало тишину уханье сов. По снегу в разные стороны, расходились следы зверей. Вот любимец Велеса³¹, посидел у дорожки. Сделав

³¹ Любимец Велеса – заяц.

крюк, запетлял и скакнул в сторонку. Ищи его лиса – не сыщи. Вот и «рыжая» здесь побывала. Мышь в снегу откопала – голодно в феврале. Куница скользнула между кустов – лапки на лежалом снегу, словно монетки отпечатались. А уж сколько птичьих следов «трилистником» хожено – ни счесть. Ехала Аннушка, любовалась. Все было в радость! И чаща лесная, и зверушки, даже мороз. Батя на поправку пошел. Ой, тянулись три недельки, что он меж небом и землей пребывал, так и вспоминать тошно! Мучился, несчастный: нога сломанная опухла и посинела, культя все время кровоточила. Не чаяли, как кровь остановить. Пришлось звать кузнеца – каленым железом прижигали. Теперь уж страшное позади.

Подъезжали к Потье³², деревеньке с пожилыми староверами в пять дворов. По теперешнему – за старую веру и на дыбу можно попасть. Потому старички сторожились. Чужих не привечали и сами никого не трогали. Деваться им было некуда. Барину рыбу на продажу выращивали, раз в месяц на двор возили. На том повинность их и заканчивалась.

Деревенька стояла в низине, окруженная древним хвойным лесом. Здесь же был пруд. Прежде, на его месте, протекала речка – Красавка. Когда – то, кипела здесь жизнь: сорок дворов, детки, хозяйство. Все было. Теперь быльем заросло, тиной затянуло. Речки – кормилицы не стало и подались, беды, кто – куда: в скиты, да поближе к людным местам.

³² Потья – темнота, мрак, потёмки.

Макаровна остановила лошадь у последнего дома по проулку, слезла с саней. Калитки не было. Во двор, с небольшим (на две комнатки) деревянным домом, по свежему снегу – проторена дорожка. Оттуда, ей на встречу вышел рослый, плечистый, старец. Борода, седой куделькой³³ доходила до колен. Голова – белый лунь. Брови кустистые скрывали колючий, пронзительный взгляд. Без шапки, в легком сюртучке, в лаптях с оборками – словно сказочный Баян из древних песен, явился он.

Женщина поклонилась в пояс:

– Здравствуйте Вам, дедушка Веденей! Многие лета! – сказала и заробела. Веяло от старца силищей, что сердце заходило замирая. Да не той, что у бойцов в избытке, а словно «стержень» в нем был крепкий, что не у каждого человека есть.

В этой деревеньке только старики и жили. Рыбу на хозяйский двор возили по – очереди. Коли пора приходила Веденею ехать – вся детвора с округи, на купеческом дворе толпилась – на дядьку бородатого посмотреть. Пока разгружали поклажу, старичок ребятне свистульки мастерил или сказки сказывал. Дворовых холопов не любил, но и по – напрасну, не притеснял.

– Не робей, не обижу. – раскатисто сказал дед. Словно мысли прочитал.

Аннушка смелее посмотрела на старца, ответила:

³³ Куделька – кудрявый волос.

– Отче! Болезного привезла. Волки на нас напали, слышал небось?

– Слышал, все слышал, детонька.

Деловито подошел к саням, сунул большие руки в сено и достал из него Антипыча. Тот заволновался:

– Что ты, батюшка! Я сам пойду! Беспокойство – то какое! – загалдел болящий, пытаюсь выскользнуть из цепких рук.

Седой засмеялся, ответил:

– И я молод был, не по себе сосну рубил!

Легонько, словно куренка, понес ношу в дом.

Вернувшись, сказал Анне:

– К полнолунию приезжай проведать. Господь с тобой!

Молодка выгрузила из саней четыре корзины с провизией.

Поставила перед старцем;

– Не серчай, отче. Прими, что Бог послал! – поклонилась и взяв кобылу под уздцы, развернула сани. Подалась в обратный путь.

Веденей вернулся в дом, вошел в горенку, чуть нагибаясь.

– Ну что Ачип, чайку с травами попей.

Помолились. Откушали похлебки, да хлеба с теплым молоком. Окончив трапезу, хозяин уложил Антипыча на мягком топчане, у печки. Подушка и перина были набиты сеном и какой-то особенно, пахучей травой. Силился, болезный, припомнить и не смог. Откуда, немощному, знать, что травка та – из владений самого крымского хана Саадет Гирея

III. Рута, нежно окутывала гостя знойным ароматом соленой волны, пряных садов и райской идиллии. Будила воспоминания детства о былинах, сказках и чудесах, с острова Буяна. Ачип забылся глубоким сном, поддавшись чарам тонко благоухающей розы и убаюканного умелой рукой, яда.

Веденя знал весь Уезд, уважал и боялся. Люди чувствовали в нем великое, тайное знание. Кто магом величал, кто колдуном, ведьмаком, словом волшебником. На что старичок кротко отвечал: «Коли чудес захотели, то не ко мне. Коли совет нужен, то к церковному батюшке. Ежели желаете блага, то к мужам государевым. Я лишь песчинка блаженная, вообразившая себя добрым тяглом³⁴.»

Был нелюдим и жил отшельником. Но ни один серьезный спор или вопрос, все же без него не обходился. Обратиться к нему, например, мужичек с советом, а тот лишь посмотрит внимательно, до мурашек на коже и... чудо! Сам собой, вдруг, ответ в голове неразумного рождается. Так – то. Вот и скажи теперь, кто он есть – Веденей?

Никто и не ведал, что старец – бессмертный, Посвященный во множество земных тайн со времен гибели Второй Расы. Уже забылось многое, вымыто многими судьбами и сменной вех. В то время, еще при правлении Прародителей с Сириуса Б, обучал он студентов в академии. Перед тем, как покинули землю Основатели первой династии, учрежден был

³⁴ Тягло – животное для перевозки и пахоты. Приравнялось по ценности к колове. В случае крайней нужды, изымались у хозяев в военных целях.

совет Братства. Полное название никогда вслух не произносилось, но любой Посвященный знал его. Совет постановил: удалить от человечества Учителей и Просвещенных, поместив их в запретные чертоги, дабы не повторять более ошибок. Гибель Первой и Второй расы уже убедила звездных Родителей в том, что человек чудовищно тщеславен и не намерен воздерживаться от множества соблазнов, и удовольствий. Отсутствие умеренности, не исполнение своего долга перед Вселенским Советом, явилось гибелью первого разумного их детища. И вот, надвигалась гибель Второй расы. Потому, решено было готовить и направлять к великим целям лишь избранных представителей Человечества. В печали покидали Братья несчастную Землю, раздираемую войнами, болезнями и почитанием многочисленным Богам. Люцифер довольно потирал руки, освобождаясь от сдерживающего темных Демонов, третьего небесного щита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.